

Глава 7. Тонкий лед.

– Ранма, помоги! – Умоляющий голос эхом разнесся по арене.

Ранма помрачнела.

– Я иду, Аканэ!" Она выставила вперед левую ногу, скользнув тонким лезвием на ступне.

«Носки на промасленном деревянном полу. Носки на промасленном деревянном полу», – повторяла она мысленно, уговаривая свое тело найти мышечную память, чтобы применить ее к незнакомому движению, необходимому для катания на коньках. Умоляя свои нетвердые ноги о скорости, она устремила взгляд на высокого мужчину в белом костюме.

Сократив расстояние в сотню с лишним метров, она подпрыгнула в воздух, и лезвие, выступавшее из ее левой ступни, сверкнуло в свете арены, когда она нацелилась ему в затылок.

– Убирайся! – Ее цель повернулась, разжав хватку на руке Аканэ.

Отбежав на коньках на несколько футов в сторону, Аканэ увидела, как женственная фигура ее жениха пролетела над головой фигуриста и с громким шлепком рухнула на лед вперемешку с руками и ногами. Аканэ вздрогнула, пожалев, что не нашла времени дать ей побольше уроков катания перед этой дуэлью.

Ранма пыталась встать на ноги, но ее руки и коньки не находили опоры на льду. В считанные секунды Микадо Сандзенин оказался на ней. Он опустился на колени, прижав рыжую спиной ко льду. Он смеялся, хищно сверкая глазами, без труда удерживая свою жертву. Тело Ранмы онемело от холода, проникающего сквозь тонкий слой шелка, из которого состоял ее наряд для катания. Его руки сновали повсюду, пробираясь вверх по ее беспомощной фигуре и прижимая ее руки ко льду за запястья. Ее глаза были прикованы к нему, но периферийным зрением она могла различить толпу на переполненной арене, указывающую на нее и злобно гогочущую над ее участью.

– Возьми ее, Микадо! – раздался хор мужских голосов из толпы.

– Отвалите от меня!

Мужчина только рассмеялся. Он склонился над ней, вытянув губы. Ранма судорожно извивалась, но это было бесполезно. Между его хваткой и ледяной поверхностью, лишенной трения, у нее не было никаких рычагов, чтобы вырваться. С отчаянным криком, больше похожим на мольбу Аканэ о помощи, чем на боевое кий, которое она когда-либо произносила, Ранма освободила правую руку и с размаху ударила его по лицу, плотно закрыв глаза.

К счастью, она почувствовала, что ее удар пришелся точно в цель. Через долю секунды раздался звонкий удар лампы о стальную дверцу холодильника, и она резко села в постели, взмокшая от пота и дышащая так, словно только что пробежала марафон. Она оглядела все еще незнакомую комнату, пытаясь вспомнить, где именно она находится и как сюда попала.

– Вот дерьмо. Это просто сон.

Она выпутала ноги из-под одеял и свесила их с кровати, пальцами смахнув волосы с лица. Этот

сон или его разновидность периодически снились ей со времен их с Аканэ дуэли с Золотой парой, но гораздо чаще после того, как "это" произошло. Она соскользнула с кровати на ноги и прошла два метра, отделявших ее от того, что представляло собой подобие кухни в квартире. Благодарная за то, что лампа не разбилась, она подняла ее с пола и вернула на тумбочку, а затем опустилась на один из маленьких деревянных стульев, окружавших компактный обеденный стол. Все еще находясь в тумане между сном и бодрствованием, Ранма снова погрузилась в воспоминания - к счастью, не о том дне, когда она впервые сразилась с Микадо, а о последующих неделях.

Когда это случилось, Ранма не знал, как к этому относиться. Он знал, что чувствует отвращение, и испытывал непреодолимое желание решить эту проблему, как и любую другую социальную проблему - кулаками. Он уже вызвал Микадо и Асузу на очередную дуэль. Этот придурок должен был заплатить.

Чувства гнева и мести казались Ранме нормальными, как и положено человеку с его долгим опытом разрешения эмоциональных конфликтов с помощью физического насилия, но было и что-то еще - уязвимость, которую он никогда раньше не испытывал. Он не знал, как это выразить, но чувствовал себя так, словно у него отняли нечто большее, чем гордость. Он и раньше терпел поражение в бою, и ничего страшного в этом не было: несколько дней тренировок, новая техника или анализ приемов противника, и он сокрушает его в матче-реванше. Но это было не избиение, а унижение, и его не отменить, независимо от того, отправит он Микадо в больницу или нет.

Ему отчаянно нужно было с кем-то поговорить. По его мнению, парни не приспособлены к таким вещам. Но с кем? Сначала он подумал об Аканэ. Она была рядом, значит, поймет. Проблема была в том, что Аканэ, скорее всего, привыкла к такому. У половины парней в ее классе на фотографиях в школьных удостоверениях были фингалы под глазами, потому что они пытались на нее посягнуть. Она бы, наверное, подумала, что то, через что он проходит, - пустяк.

Набики? Без шансов. Она никогда не встречала слабостей, которыми не могла бы воспользоваться. Касуми? Ранма не сомневался, что она отнесется к этому с пониманием, но что-то было не так в разговоре с ней о подобных вещах, словно это могло как-то развратить ее. Это вернуло его мысли к Аканэ. Он прошел половину пути до ее комнаты и остановился. Я не могу этого сделать, подумал он про себя. Я не могу показать ей, что меня что-то беспокоит. Парни не должны чувствовать себя слабыми. Потерпев поражение, он спустился обратно по лестнице. В крайнем случае, подумал он, можно попробовать обратиться к папаше. Проходя через столовую, он остановился, зашел на кухню и направился к раковине. В другой форме этот разговор будет легче.

Минуту спустя Генма, с волос которого все еще капала холодная вода, присел на траву у пруда с карпами

– Папа, можно с тобой кое о чем поговорить? Это довольно странно, предупреждаю.

Генма посмотрел на него с некоторым замешательством, затем достал толстый черный маркер из потайной складки меха панды и написал:

{Конечно, Ранма, как дела?} – на маленькой картонной дощечке, которую он протянул ему, чтобы он мог прочитать.

Он покачала головой, закатив глаза и взяв в руки чайник.

– Идеально, когда ты говоришь в ответ.

Панда кивнула, и, быстро выливая воду из носика, перед ним снова сидел ее отец.

– Хорошо. Итак, ты говорил? – В ожидании ответа он отжал свою рубашку.

– Так, значит... это... – Он замялся, глядя на свои руки. – Помнишь, пару дней назад мы с Аканэ катались на коньках?

Он кивнул.

– А! Ты хотел, чтобы я тебя натренировал, чтобы тебе не надрали задницу, когда ты снова будешь с ним драться! Не волнуйся, мой мальчик, я уверен, что мы сможем придумать финальную атаку школы боевых искусств Саотоме для этой ситуации! – Он сильно хлопнул ее по плечу.

Ранма напрягся и оттолкнул его руку.

– Нет, папаша, не это. Я был очень зол, когда мы вернулись домой, и ты подумал, что это из-за того, что мы проиграли. Думаю, это было частично, но не полностью. – Генма кивнул, прислушиваясь.

Ранма сглотнул. Этого уже не передать словами.

– Ну... Понимаешь, папаша, тот парень, Микадо, он гонялся за Аканэ повсюду, и я решил, что должен ей помочь, верно? Так что я встал между ними. Но я не очень хорошо держался на коньках, и ему удалось схватить меня.

– И что? Такое постоянно случается в бою.

– Нет, пап. Ты не понимаешь. Я был девочкой, а он прижался ко мне и... и... поцеловал меня.

Генма некоторое время пристально смотрел на него, ничего не говоря, пока не смог больше сдерживаться. А потом он начал смеяться.

– Так вот в чем дело? Ранма, это просто фантастика! Если он влюбился в твою девичью форму, ты можешь использовать это в своих интересах в будущем поединке! Надень что-нибудь еще более милое и отвлеки его! К тому же, ты все равно не совсем девушка, так почему тебя это волнует?

Ранма кивнул в знак согласия с его словами, желая, чтобы слеза, прочертившая дорожку по щеке, растворилась в ее растрепанных волосах.

– Да, наверное, ты прав, папа. Спасибо. – Он встал, отвернулся и пошел прочь. Ему стоило догадаться, что так будет. Он никогда не поймет, почему его так мучает тот факт, что Микадо так унизил и оскорбил его на глазах у тысяч людей, которые просто сидели и... поддерживали его за это. На глазах у их друзей. На глазах у Аканэ. Черт возьми, перед Аканэ!

Он не думал, что когда-нибудь заставит Генму понять, что дело не только в том, что Микадо поцеловал его, но и в сокрушительном осознании того, что если он может проиграть бой и оказаться бессильным остановить поцелуй, то что еще он может не в силах предотвратить? Любой мастер боевых искусств, которому удалось победить ее в поединке, мог делать с ней все, что хотел. В тот момент, когда он впервые осознала это, ему стало страшно больше всего за

всю свою юную жизнь. Неужели так чувствуют себя обычные девушки каждый день? Этот постоянный страх, что следующий парень, появившийся из-за угла, может решить сделать с тобой... что угодно... и если ты не окажешься быстрее или сильнее, то окажешься беззащитной? Неудивительно, что все девушки, которых он знал, постоянно злились на всех встречных парней.

С тех пор Ранма никому и словом не обмолвился о том, что произошло в тот день на льду, даже после того, как отомстил Санзенину. Все в доме либо считали его извращенцем, либо думали, что его женская половина - это маска, которая ничего не значит, либо были слишком забывчивы, чтобы заметить, что что-то не так. Никто не стал бы слушать. Оставалось только надеяться, что никто не услышит его возню, когда придут кошмары. Тогда же Ранма начал каждую неделю выделять время на тренировки, чтобы потренироваться драться в женском облике. Он был полон решимости научиться использовать ее тело так же, как свое, максимально используя все преимущества, которые только мог найти. Как парень он должен был быть сильным и быстрым, но как девушка? Он должен был стать непобедимым, иначе вряд ли когда-нибудь снова заснет.

Конечно, не прошло и месяца после того, как это случилось с ним, и после того, как он обратился за помощью к отцу, а над ним посмеялись, что сделал Генма? Извинился? Дал совет? Нет. Они с мистером Тендо решили переселить гроссмейстера всех развратников в пустую комнату напротив. Если раньше Ранма беспокоился, что случайный мастер боевых искусств сможет победить ее и воспользоваться ею, то теперь человек, который научил его всему, что она знала о борьбе, стал самой большой и постоянной угрозой. Теперь каждую секунду, даже когда Ранма был парнем, он был в стакане воды от того, чтобы его лапали и домогались, пока его отец и будущий тесть смотрели и ничего не делали. Он никогда не понимал этого, особенно в случае с Соуном. Ранма недавно с болью осознал, что принятие женского облика не дает ему никаких социальных привилегий, положенных женщинам, если говорить о мужчинах в доме. Но как Соун мог просто сидеть и пить чай, пока этот извращенец ласкал его дочерей? Как он мог говорить, что Ранма должен защищать Аканэ, в то время как сам он этого не делал?

А потом, конечно же, случилось "это". После того как они вернулись домой с горнолыжного курорта, без "Пилюли Феникса" в руках, Ранма выходила из своей комнаты только тогда, когда в ней находился ее отец. Аканэ и ее сестры сделали для нее все, что могли. Даже их отцы пытались дать ей немного пространства, чтобы смириться с этим. Но когда они рассказали Хаппосаю... она никогда не забудет выражение его лица. Как будто для него Рождество наступило раньше времени. Его ничуть не волновало, что Ранма - человек, чувствующий себя более уязвимым, чем она когда-либо могла себе представить, потому что для него она была всего лишь новой блестящей игрушкой.

Касуми пыталась помочь. Ее сердце было в правильном месте. Если Ранма никогда больше не будет парнем, она была полна решимости научить ее, как вести себя как девушка. Она постоянно приносила домой юбки и платья, пытаясь заставить ее одеться, учила ее манерам и прочему. Однажды она даже предложила обучение для невест! Но ее уговоры не только напоминали Ранме о правдивости ее положения, но и словно подливали горячего в извращенное отношение Хаппосая к ней.

Ранма вздохнула, возвращаясь мыслями к настоящему. Она потеряла виски, пытаясь прогнать мысли из головы. Когда она начинала думать обо всем этом, ничего хорошего не выходило. Она зевнула, в очередной раз, пожалев, что не может пить горячий чай и что в ее маленькой квартирке нет продуктов, чтобы быстро перекусить. Ей придется поработать над этим, когда она накопит немного денег. Пожалуй, стоит одеться и отправиться на работу, подумала она,

направляясь к шкафу.

В сложившихся обстоятельствах она не чувствовала себя в состоянии вынести ношение юбки сегодня, но все же чувствовала себя обязанной воспользоваться тем, что ей предложили, чтобы не показаться неблагодарной. Она решила пойти на компромисс: выбрала желтую блузку, усеянную маленькими белыми подсолнухами, и надела ее в пару к черным брюкам-джи. Когда она стянула через голову атласную рубашку Изуми, все ее тело задрожало, когда она мягко скользнула по ее сверхчувствительной коже. Надо признать, что, хотя это было ужасно, когда "Кошачий язык" усиливал все плохие ощущения, не всегда было плохо, что он усиливал и хорошие.

В этот момент ее осенила мысль, и новый ужас зазвенел в ее голове, как железные колокола. Что, если снова случится нечто подобное случаю с Микадо, и она не только не сможет выпутаться из этого, но и почувствует себя слишком хорошо, чтобы остановиться? Что, если произвольная реакция ее тела, доведенная до одиннадцати баллов, парализует ее, когда нужно дать отпор? Что, если это ощущение было настолько физически подавляющим, что она не сможет заставить себя сопротивляться?

Внезапно Ранма потерял всякий интерес к завтраку.

<http://tl.rulate.ru/book/102138/3596080>